

вторых, психическим воздействием родителей и школьным воспитанием. Следовательно, психический склад, т. е. принадлежность к «основной личности», предопределены уже с первых шагов жизни человека.

Из этой теориейки, между прочим, легко сделать вывод о необходимости стерилизации психически неполноценных «основных личностей». Одновременно она служит оправданием преступности и воспитания головорезов для домашних целей и на вывоз — в страны Европы и Азии.

Идея книги целиком порочна и поразительно напоминает фашистский бред Геббельса и Розенберга. Только там речь шла о превосходстве арийской расовой души, здесь — о превосходстве американской «основной личности»; там был призыв к завоеванию мира во имя торжества немецкой культуры, здесь — пропаганда распространения над всем миром культуры американской.

И. Золотаревская

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Происхождение человека и древнее расселение человечества. Под редакцией М. Г. Левина (ответственный редактор), Г. Ф. Дебеца и Я. Я. Рогинского. Труды Института этнографии Академии Наук СССР. Новая серия, т. XVI, М., 1951.

Последние годы ознаменовались для советских исследователей, занимающихся проблемами происхождения человека, расселения древнейшего человечества и истории начальных этапов развития первобытно-общинного строя, оживленными творческими дискуссиями и серьезными научными успехами. Эти успехи были в первую очередь предопределены выходом в свет гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Рецензируемый сборник, объединивший ряд видных антропологов, археологов и этнографов, подводит некоторые итоги и этим спорам, и достижениям. Достоинством сборника является его познавательная ценность. В нем изложен, обобщен и проанализирован большой антропологический и археологический материал, ставший известным главным образом за последнее десятилетие. Вследствие этого сборник в известной степени приобретает значение справочника и восполняет вышедший из печати более десяти лет назад университетский учебник антропологии¹. Наряду с изложением большого нового конкретного материала в рецензируемой книге ставится и разрешается ряд важных исторических и теоретических проблем. Она заострена против буржуазной расистской антропологической и археологической «науки», в первую очередь против англо-американского расизма. Статьи пронизаны боевым наступательным духом; их авторы, в совершенстве владея фактическим материалом, разоблачают на этом материале растленную буржуазную расистскую науку. В частности, в статьях, в свете решений состоявшейся в августе 1948 г. сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, разоблачаются идеалистические построения вейсманистов-морганистов.

Этими особенностями сборника определяется его большая научная ценность.

Рецензируемая книга состоит из двух больших разделов; первый посвящен происхождению человека и человеческих рас; статьи, его образующие, носят характер достаточно обширных монографических исследований по отдельным проблемам антропогенеза и истории древнейшего человечества. Второй раздел, посвященный древнему расселению человечества, значительно отличается от первого раздела; статьи здесь представляют собой сжатые литературные обзоры; они содержат характеристику материалов, накопленных наукой по той или иной проблеме, и освещают состояние разработки данной проблемы в советской науке.

Сборник открывается статьей В. П. Якимова «Ранние стадии антропогенеза». В качестве своего отправного положения В. П. Якимов совершенно справедливо кладет указания В. И. Ленина о трех основных этапах развития древнейшего человечества: 1) стадо обезьян, берущих палки; 2) первобытные люди — первобытное стадо; 3) люди кланового (родового) общества². Необходимо констатировать, что это ленинское положение получило далеко не достаточное отражение в советской литературе, посвященной истории первобытного общества. Антропологическими памятниками существования стада обезьян, берущих палки, являются, по В. П. Якимову, костные остатки южноафриканских австралопитеков. С эпохой же существования первобытного стада В. П. Якимов, в согласии с большинством советских исследователей, синхронизирует остатки питекантропов, синантропов и неандертальцев.

Наиболее содержательным, удачным и интересным является раздел статьи В. П. Якимова, посвященный описанию и критическому анализу костных остатков австралопитеков, включая сюда плезиантропов и парантропов. Здесь сведены и детально изложены все материалы, относящиеся к проблеме австралопитеков, включая и находки, сделанные в 1950 г. Как известно, вопрос об австралопитеках является

¹ В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, Антропология, М., 1941.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 361.

одним из важнейших составных разделов всей проблемы происхождения человека. Положение о том, что австралопитеки уже начинали переходить к прямой походке и что их передние конечности были освобождены от опорной функции, пользуется достаточно широкой известностью. Меньшей известностью пользуются опубликованные в 1949 г. и детально характеризуемые В. П. Якимовым интереснейшие материалы о том, что австралопитеки были хищниками, нападавшими не только на небольших, но и на сравнительно крупных животных (павианы, может быть, и крупные приматы). Вместе с костями австралопитеков найдены пробитые какими-то тупыми предметами черепа павианов. Строение зубов австралопитеков также подтверждает их приспособленность к питанию животной, а не только растительной пищей (стр. 22). Как справедливо отмечает В. П. Якимов, приведенные материалы, повидимому, окончательно решают весьма спорный вопрос о типе хозяйственной деятельности древнейших людей. Правы оказались сторонники теории преимущественно охотничьего хозяйства древнейших людей, связывавшие возникновение охоты с предчеловеческой стадией антропогенеза и приписывавшие ей ведущую роль в хозяйственной деятельности ранних гоминид. Можно предположительно говорить о том, что вегетарианство было отброшено еще на дочеловеческой стадии антропогенеза антропидными предками гоминид (стр. 23).

Характеризуя близость австралопитеков к древнейшим людям, В. П. Якимов в то же время указывает, что многочисленные возражения морфологического, зоогеографического, геологического и общепалеологического порядка не позволяют признать в австралопитеках прямых предков человека. Они представляли реликтовые формы, впоследствии либо вымершие в связи с какими-то изменениями природных условий, либо истребленные заселившими эту область древнейшими людьми. Находки остатков австралопитеков — памятник одной из тысячелетних попыток очеловечения (стр. 33).

Описание костных остатков южноазиатских ископаемых человекоподобных обезьян В. П. Якимов связывает с резкой и обоснованной критикой идеалистической концепции Вейденрейха об определяющей роли неведомых и непознаваемых внутренних причин, которые приводят эволюционное развитие к определенной цели. Концепция Вейденрейха В. П. Якимов противопоставляет положение миучиринского учения о том, что организм и необходимые для его жизни условия представляют единство. В. П. Якимов показывает полную научную необоснованность утверждений Вейденрейха о гигантской стадии в антропогенезе, утверждений, воскрешающих легенды о великанах — предках человека (стр. 39—42).

В разделе своей статьи, посвященном питекантропам, синантропам и неандертальцам, В. П. Якимов продолжает развивать уже высказывавшийся им и встретивший возражения со стороны ряда исследователей³ взгляд о том, что европейские неандертальцы не явились предками позднепалеолитических людей современного физического типа. Как известно, концепция В. П. Якимова противоречит установленная Г. Ф. Дебецом и М. А. Гремячком близость черепа неандертальца из Тешик-Таша черепам европейских неандертальцев типа Шапелль. Не вступая в полемику с Дебецом и Гремячком, В. П. Якимов высказывает в то же время предположение о близости тешик-ташского неандертальца либо к эрингсдорфскому варианту европейских неандертальцев, либо к неандертальцу из пещеры горы Кармел (стр. 78). Однако В. П. Якимов не дает обстоятельного обоснования своего предположения, равно как и не опровергает аргументов Дебеца и Гремячко. Это делает его предположение весьма сомнительным. Очень спорной является и вся концепция В. П. Якимова о вымирании европейских неандертальцев и о приходе в Европу людей современного физического типа из Малой и Передней Азии.

Единственная, специально археологическая статья сборника «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» принадлежит перу С. Н. Замятнина — одного из крупнейших советских исследователей палеолита. В отличие от авторов ряда других обобщающих работ по палеолиту, основанных по преимуществу на европейском материале, С. Н. Замятнин в своем исследовании в равной степени широко привлекает материалы по памятникам Европы, Азии и Африки, т. е. всех заселенных палеолитическими людьми территорий. В статье С. Н. Замятнина содержатся ценные материалы о приоритете русской археологической науки. Как устанавливает С. Н. Замятнин (стр. 90), своеобразие культуры палеолитического периода средиземноморских стран было констатировано и обосновано первым исследователем палеолита Крыма К. С. Мережковским в 1881 г., т. е. за тридцать лет до Брейля. Мережковский же, основываясь на результатах своих исследований в Крыму, впервые выделил промежуточные между палеолитом и неолитом археологические памятники с микролитами. Эти выводы Мережковского были спустя 10 лет повторены без указания на источник их заимствования, т. е. попросту присвоены, Адрианом Мортилье.

Для статьи С. Н. Замятнина характерна большая тщательность анализа широкого по охвату археологического материала и в то же время большая осторожность выводов. Тщательный критический анализ позволил С. Н. Замятнину показать полную научную необоснованность расистских построений зарубежных буржуазных археологов Брейля, Мовиуса, Байера, Бланка, Обермайера и других. С. Н. Замятнин допускает имевшие место в палеолите переселения отдельных групп человечества, не

³ См. «Краткие сообщения Института этнографии», вып. IX, 1950.

говоря уж о расселении на ранее не обитаемых землях. Но он остроумно и зло высмеивает домыслы буржуазных расистов о походах палеолитических людей из Прибайкалья в Египет, с верховьев Доиа в Италию (стр. 140—144). С полным основанием С. Н. Замятин утверждает, что имеющий по существу расистское содержание термин «пре-мустье» должен быть изгнан из научной литературы.

Рассматривая развитие древнейшей человеческой культуры на протяжении эпохи палеолита, С. Н. Замятин приходит к выводу, что никаких изначально данных различий в культуре первобытного человечества не существовало. В нижнем палеолите (включая сюда и мустьерскую эпоху) техническая вооруженность первобытного человека была столь слаба, что какой-либо возможностью видоизменять формы своей культуры в зависимости от природной обстановки он совершенно не обладал. Все попытки отыскать локальное своеобразие в нижнем палеолите неизменно базируются на сугубо формальном описании материала. Только в верхнем палеолите слагаются три крупные культурные области, своеобразие которых связано с длительной географической обособленностью отдельных частей человечества. С. Н. Замятин предлагает для этих трех областей следующие наименования, которые, надо думать, закрепятся в научной литературе: африканско-средиземноморская, европейская приледниковая и китайско-сибирская. В пределах трех областей в свою очередь можно наметить более дробные подразделения. Но если эти области различаются между собой формами материальной культуры, то формы хозяйства у верхнепалеолитических обитателей всех трех областей были одни и те же. Повсюду, и в экваториальной Африке, и в Европе, и в Восточной Сибири основным видом хозяйственной деятельности являлась охота. В связи с этим С. Н. Замятин критикует положение П. П. Ефименко о том, что верхнепалеолитические обитатели Средиземноморья («каспийцы»), в отличие от обитателей более северных областей, занимались по преимуществу собирательством. На самом деле капсийские местонахождения Африки, содержащие большие скопления раковин съедобных моллюсков, относятся, как показали новейшие исследования, не к верхнему палеолиту, а к мезолиту. Таким образом, культурное своеобразие этих памятников должно рассматриваться не как явление региональное, а как хронологическое (стр. 132—133). Типичными же верхнепалеолитическими памятниками африканско-средиземноморской области являются не капсийские местонахождения типа Эль-Мекта близ Гафсы, а такие поселения, как гроты Три-малды близ Ментоны, грот Романелли на юге Италии, пещеры Северной Палестины, Сири, Западной Грузии и Крыма (Сюрень I). С. Н. Замятин показывает, что верхнепалеолитические поселения европейской приледниковой области, хронологическим подразделениям которых (ориньяк, солутре, мадлен, азиль) Мортилье был склонен придавать универсальное значение; на самом деле распространяются относительно узкой полосой вдоль края ледника и представляют, таким образом, чисто местное, европейское, явление.

Историческая концепция С. Н. Замятина и его основные выводы хорошо аргументированы и вполне убедительны. Но не все бесспорно в его более частных заключениях и констатациях. Весьма спорным и, на мой взгляд, сомнительным является утверждение С. Н. Замятина (стр. 126), что различия между европейскими приледниковыми и средиземноморско-африканскими стоянками при сопоставлении с сибирскими стоянками не столь значительны, что, пожалуй, было бы правильнее рассматривать приледниковую европейскую область не как самостоятельную, а как одну из провинций средиземноморско-африканской области. Полагаю, что выдвигая это утверждение, С. Н. Замятин несколько увлекся формальным сопоставлением европейских, африканских и сибирских верхнепалеолитических кремневых орудий. По характеру верхнепалеолитических поселений и жилищ Сибирь очень близка к приледниковой Европе. Всююмни Мальту, Буреть, Афонгову гору II, с одной стороны, и Костенки I, Мезин, Елисеевичи, Долне Вистонице, с другой стороны. Едва ли отсутствие подобных поселений и жилищ в Средиземноморье объясняется только недостаточной исследованностью этой территории. Неясно, что заставило автора отнести Амвросиевку к африканско-средиземноморской области (стр. 135); кремневая техника и орудия этой стоянки весьма близки к обнаруженным на таких стоянках, как Кирилловская и Костенки III.

Статья Я. Я. Рогинского «Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека», подобно статье С. Н. Замятина, содержит важные историографические материалы, показывающие приоритет русской науки. Я. Я. Рогинский показывает, что в зарубежной науке прошлого века и предшествующего времени при трактовке вопросов происхождения и развития человека монотенизм обычно опирался на церковную традицию, а эволюционный материализм либо выступал в союз с расистским полигенизмом, либо стремился незаконно отыскать в темнокожих расах черты питекантропа, дожившие до наших дней, т. е. также смыкался с расизмом. Только русская наука в лице многих своих представителей (Н. Г. Чернышевский, И. М. Сеченов, Н. А. Северцов, Н. Н. Миклухо-Маклай, А. П. Богданов и другие) поставила великую цель чисто материалистического обоснования идеи о равенстве и взаимном кровном родстве человеческого рас (стр. 155—165).

По своему хронологическому охвату статья Я. Я. Рогинского примыкает к статье В. П. Якимова, составляя как бы ее продолжение. Если В. П. Якимов, исследует

главным образом проблему происхождения древнейших людей — питекантропов и неандертальцев, то Я. Я. Рогинский исследует главным образом проблему перехода от неандертальца к человеку современного физического типа (*Homo sapiens*). Я. Я. Рогинский приходит к выводу, что область происхождения современного человека была обширной. Она включала Переднюю и Южную Азию и прилежащие страны. В этой области происходили интенсивные процессы контакта и смешения развивавшихся новых типов человека. Периферические зоны Старого света принимали значительно меньшую долю участия в процессе происхождения современного человека. В согласии с большинством советских антропологов Я. Я. Рогинский рассматривает человека современного типа как новое качественное явление по сравнению с неандертальцем (стр. 194). По сравнению с неандертальцем современный человек был преимущественно обладателем тех качеств, которые делали его более высокообшественным существом, чем его предшественник.

Большой интерес представляет в статье Я. Я. Рогинского обстоятельный критический обзор антропологических находок, расцениваемых зарубежными буржуазными исследователями как доказательство изначального существования человека современного типа, бывшего якобы современником питекантропа и неандертальца. Этот критический обзор приводит автора к выводу о неосновательности возражений против теории происхождения современного человека от неандертальского, о неосновательности отнесения древнепалеолитических черепов из Сванскомбе и Фонтшевад к человеку современного типа (*Homo sapiens*). Особенно ценен даваемый Я. Я. Рогинским детальный анализ находок из Фонтшевад во Франции (стр. 182—189). Как известно, в пещере Фонтшевад в 1947 г. были найдены обломки двух человеческих черепов в древнепалеолитическом культурном слое, вместе с каменными орудиями «тейакского» типа. Ряд американских и французских антропологов описали эти черепа как принадлежащие человеку современного типа и расценили находку их как «окончательное» доказательство существования *Homo sapiens* в древнем палеолите. Советские исследователи отнеслись скептически к подобным определениям. Я. Я. Рогинский впервые в советской литературе детально описывает и критически анализирует находки из Фонтшевад. Этот анализ не оставляет сомнения в том, что фонтшевадские, как и сванскомбские находки опровергают утверждения буржуазных археологов о существовании современного типа человека в древнем палеолите.

Одной из наиболее интересных и актуальных работ, помещенных в сборник, является статья В. В. Бунака «Происхождение речи по данным антропологии». Статья заострена против ошибочной, немарксистской концепции Н. Я. Марра о «языке жестов» и хорошо иллюстрирует положение И. В. Сталина о звуковом языке как об одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время.

Исследование В. В. Бунака содержит основанную на тщательном анатомическом и антропологическом анализе характеристику речевых органов человека — гортани, нижней челюсти, мозга, характеристику звуковых сигналов человекоподобных обезьян как исходного материала в развитии звуковой речи, критический обзор теорий происхождения речи. В заключении автор излагает свою концепцию происхождения речи и основных особенностей древнейших этапов ее развития. Описывая развитие человеческой гортани, В. В. Бунак устанавливает, что отличительные особенности мускулов гортани складывались на протяжении долгого периода развития и у древнейших людей были выражены далеко не в полной мере (стр. 212). Что же касается языка, то использование его для произнесения звуков у человека было подготовлено разнообразной работой этого органа, не связанного с голосовой деятельностью, у обезьян (стр. 218).

Ослабление обоняния, параллельное с усилением зрительных восприятий, образование изгиба основания мозга, выпрямление положения головы и уменьшение пронализма, происходившие у древнейших людей и их ближайших предков, имели последствием опускание гортани, укорочение небной занавески, удлинение корня языка. В результате этих преобразований установилась более тесная связь гортани и ротовой полости, которая приобрела значение важнейшей части надгортанной трубки и сделала возможным появление тонко дифференцированных звуков. Утолщение связок как результат их поворота создавало возможность усиления мощности издаваемых звуков без участия внергортанных резонаторных полостей, постепенно подвергавшихся редукции. Человек приобрел способность издавать достаточно громкие звуки, но утратил способность к оглушительному реву, который могут издавать обезьяны. Другое следствие того же процесса — округление краев связок — обеспечило более гармоничные сочетания основного тона и обертонов, т. е. появление мелодических звуков и исчезновение резких криков. Округление и уплотнение голосовых связок требовало для удержания их в сомкнутом положении значительного волевого усилия и создавало, таким образом, предпосылку для установления связи издаваемых звуков с определенными представлениями. В целом, как отмечает В. В. Бунак, цикл преобразований периферических речевых органов тесно связан с изменением положения головы и шеи, т. е. составляет следствие того же процесса овладения выпрямленным, двуногим хождением, которое в связи с другими условиями вело к расширению круга

умственной деятельности и овладению мышлением и словом (стр. 221). Этот вывод хорошо иллюстрирует положение И. В. Сталина о роли перехода к прямой походке для развития речи и сознания у наших предков⁴.

Обращаясь к развитию нижней челюсти, В. В. Бунак, в противовес упрощенным, вулгаризаторским взглядам, подчеркивает, что нельзя признать речевую деятельность непосредственным фактором, формировавшим нижнюю челюсть, и связывать отдельные особенности последней, в том числе подбородочный выступ, со специальной речевой работой депрессоров. Но в то же время структура нижней челюсти не безразлична для речевой функции (стр. 223). Последнее положение автор подкрепляет детальным рассмотрением строения нижних челюстей человекоподобных обезьян и людей и приходит к выводу, что для древнейших людей — питекантропов и синантропов — речевая функция могла быть доступна лишь в самых начальных ее формах, не связанных с частой сменой артикуляции; неандертальцы типа Шапелль располагали еще ограниченными возможностями фонетической деятельности, тогда как строение нижней челюсти верхнепалеолитического человека не представляло препятствий для владения речевой функцией и ее дальнейшего развития.

Столь же детально, по эндокранным следам, В. В. Бунак рассматривает развитие мозга древнейших людей и приходит к тем же выводам, какие дает сравнительно-морфологический анализ периферического речевого аппарата нижней челюсти. У древнейших людей — питекантропов и синантропов — констатируется сравнительно малое развитие теменно-височной и фронтальной областей, т. е. участков коры, с которыми преимущественно связаны функции речи и процесс мышления. Заметный сдвиг по сравнению с питекантропом констатируется у неандертальцев типа Шапелль; но этот сдвиг не соответствует сравнительно крупной величине мозга, характерной для шапелльских неандертальцев. Между шапелльским неандертальцем и верхнепалеолитическим человеком разница не менее существенна, чем та, которая отделяет шапелльцев от питекантропов. По развитию речевой функции (и мышления) В. В. Бунак выделяет среди палеолитических ископаемых людей по крайней мере три стадии, соответствующие типам, которые давно установлены палеоантропологией (стр. 247).

Очень ценным разделом работы В. В. Бунака является критический обзор теорий происхождения речи и, в частности, резкая и обоснованная критика глубоко ошибочных утверждений Н. Я. Марра о «языке жестов» (стр. 264—268). В. В. Бунак справедливо указывает, что теория происхождения речи, сформулированная Марром, представляет лишь иллюстрацию к его «элементному анализу» и, подобно последнему, должна быть решительно оставлена. Ссылки Марра на язык жестов, сохранившийся до недавнего времени в качестве вспомогательного средства среди различных племен Америки и Австралии, совершенно неосновательны. Разработанность этого языка говорит против защищаемой Марром концепции. Например, такая элементарная фраза, как «я иду домой», по словарю языка жестов американских индейцев несколько не уступает по сложности ручным сигналам международного морского кода. Не подлежит сомнению, что для понимания языка жестов необходимо длительное изучение и что оно осуществляется при помощи слов уже имеющейся развитой речи. Другая практовка означала бы возврат к уже давно утратившей научное значение «теории договора» как основы для возникновения речи: договариваться о значении слов или жестов могли лишь люди, владеющие словом. Наивность концепции договора блестяще вскрыта Белинским.

Итоговая часть работы излагает взгляды автора по вопросу о происхождении речи и древнейших этапах ее развития.

Общее для высших обезьян обилие и дифференцированность звуковых сигналов составляют, по мнению В. В. Бунака, тот фон, который сделал возможным дальнейшее развитие голосовой деятельности, приведшей к появлению человеческой речи (стр. 252). Особого внимания заслуживают звуки или жизненные шумы, которые высшие приматы издают в эмоционально-нейтральном состоянии (ворчание, кряхтение, гукание и многое другое) и которые иногда качественно отличны от громких и эмоциональных сигналов. Эти неаффективные жизненные шумы, сопровождающие обычные акты поведения, наблюдаемые у обезьян при уходе в гнездо, сборе и поисках пищи, при встрече с другими животными, фиксировались как полезное приспособление к жизни вида. По мнению В. В. Бунака, именно они послужили по преимуществу основой для последующего развития речевой деятельности; в результате их видоизменения возникли первичные слова (стр. 253—254, 271—272).

Начальная речь неандертальцев и переходных форм от питекантропов к неандертальцам развилась, по В. В. Бунаку, из выкриков-призывов, существовавших у питекантропов, и состояла из односложных, неизменяющихся, не связанных друг с другом многозначных слов, выражавших одновременно объект действия, его цель и средство. Следы такой многозначности обнаруживаются в начальной речи ребенка (стр. 273, 284). На второй, относимой к верхнему палеолиту, стадии развития речи, по В. В. Бунаку, человек овладевает способностью не только пользоваться изолированными понятиями, но и формировать разнообразные связи между ними и, соответственно, словами (стр. 275, 276, 284). Речь начальной стадии В. В. Бунак предлагает называть нечленораздельной, а речь второй стадии — членораздельной.

Проблема происхождения речи и начальных этапов ее развития исключительно

⁴ См. И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. 1, стр. 313.

трудна. Крупной заслугой В. В. Бунака является то, что он взялся за эту проблему и наметил пути возможного ее разрешения. Разумеется, в настоящее время концепция В. В. Бунака имеет значение как рабочая гипотеза, нуждающаяся в тщательном и всестороннем обсуждении; в частности, очень важно, чтобы в связи с этой гипотезой высказались психологи и физиологи. Но в качестве рабочей гипотезы концепция В. В. Бунака весьма ценна и интересна.

Ошибочной является сводная таблица, помещенная В. В. Бунаком в конце его работы (стр. 282—283). На таблице выделены стадии древнейшей речи, синхронизируемые со стадиями развития первобытного общества и с археологическими эпохами. Это противоречит сталинскому определению языка как продукта «целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»⁵, сталинскому указанию на то, что «язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения»⁶. Необходимо отметить, что в тексте работы В. В. Бунак многократно показывает и подчеркивает постепенное, непрерывное развитие древнейшей речи, хотя и в тексте (например, на стр. 247) есть нечеткие формулировки о синхронизации стадий развития речи со стадиями развития физического типа человека. Является несомненным, что язык нужно изучать в неразрывной связи с историей общества, его породившего. Но конструирование стадий развития языка и сопоставление их со стадиями развития общества и культуры — ошибочно.

Сомнительно и привлечение речи ребенка для характеристики древнейшей человеческой речи (стр. 273). Древнейшая речь зарождалась и развивалась в процессе общественного труда, была общественным явлением, и для ее понимания, так же как и для понимания вообще начальных этапов развития первобытного общества, биогенетический закон ровно ничего дать не может. Следует признать, что в своей работе на весьма важную тему В. В. Бунак далеко не в достаточной степени привлек выводы учения И. П. Павлова.

Ошибочными, наконец, являются некритические ссылки в некоторых местах работы В. В. Бунака на марксистские статьи (например, на статью Мегрелидзе).

Сравнительно небольшая статья Н. Н. Чебоксарова «Основные принципы антропологических классификаций» замыкает первый раздел сборника. Статья ценна тем, что вносит ясность в достаточно сложный и запутанный вопрос классификации современных рас. Можно было бы приветствовать, если бы классификация, предложенная Н. Н. Чебоксаровым, получила всеобщее признание и распространение в советской литературе.

Н. Н. Чебоксаров выделяет три большие расы — негро-австралоидную, европеоидную и монголоидную, формирование которых имело место уже в верхнем палеолите. Более дробное деление классификации — вторичные или малые расы, каждая из которых в свою очередь состоит из нескольких групп антропологических типов (стр. 319). Антропологический тип, по Н. Н. Чебоксарову, обозначает территориальные комплексы, телесных особенностей. Группы же антропологических типов связаны историей своего происхождения, сложились в силу сходных или однородных причин из элементов одинакового происхождения, смешавшихся в разных пропорциях, и морфологически напоминают друг друга. Эти группы антропологических типов, по предложению Н. Н. Чебоксарова, могут служить основными единицами антропологической классификации современного человечества (стр. 306). Стремится к четкости и определенности терминов и понятий, Н. Н. Чебоксаров справедливо возражает против употребления термина «раса» в применении к растительным или животным разновидностям и утверждает, что этот термин должен употребляться только по отношению к человеку.

Большой интерес представляют те страницы работы Н. Н. Чебоксарова, где он в сжатой форме излагает выводы советской науки по вопросу о происхождении рас (стр. 296—304). Он справедливо указывает, что лженаучные теории вейсманизма и формальной генетики на протяжении долгих лет мешали советским ученым поставить вопрос о приспособительном характере многих антропологических признаков, морфологических различий между древнейшими группами антропологических типов, сложившихся в эпоху первоначального освоения эйкумены. В настоящее время, когда эта ошибка преодолена, представляется весьма вероятным, что различия между отдельными антропологическими типами часто бывают связаны с условиями существования разных человеческих групп в различных естественно-географических областях. Такие особенности человека, как различия в цвете кожи, вероятно, также в цвете глаз и волос, возможно, и в форме волос, во многих особенностях строения носа, глазной области и губ, сложились в процессе приспособления к условиям окружающей естественно-географической среды.

Вторая, меньшая, часть рецензируемого сборника содержит восемь статей, принадлежащих перу М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, Г. Ф. Дебеца, В. В. Гинзбурга, Т. А. Трофимовой, В. В. Бунака и С. А. Токарева и посвященных заселению людьми Африки, Европы, Австралии, Океании, Америки, различных частей Азии, а также древнему расселению человечества на этих территориях. Статьи носят характер ис-

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 9.

⁶ Там же, стр. 11.

черпывающих сводок — обзоров, основанных главным образом на антропологическом, но в значительной степени и на археологическом материале. Они, как и статьи первой части сборника, сопровождаются обстоятельными библиографическими указателями и имеют большое научно-познавательное значение. Несомненно, что за справками к этим статьям будут обращаться специалисты самых различных областей. Статьи содержат критический анализ литературных источников, антропологических и археологических материалов и в то же время заострены против расистских построений зарубежных исследователей, дают резкую и обоснованную критику их.

Давая весьма положительную оценку всех статей, необходимо в то же время отметить, что авторы их, равно как и редакторы сборника, не проделали весьма необходимой работы по согласованию терминологии и заключений различных статей. Речь идет не о научных расхождениях разных исследователей; таких расхождений немало, но они неизбежны и законны в сборнике, поднимающем большие исторические проблемы. Я имею в виду другое.

С. Н. Замятин в своей статье, напечатанной в сборнике, убедительно показывает, что так называемые капсийские местонахождения Северной Африки относятся не к верхнему палеолиту, а к мезолиту. Г. Ф. Дебец же в статье «Антропологические данные о заселении Африки» пишет о том, что ранние фазы капсийской культуры соответствуют ориньяку (стр. 395). Если Г. Ф. Дебец не согласен с датировкой капсийских памятников, предлагаемой на страницах того же сборника, где напечатана его статья, С. Н. Замятым, то следовало бы оговорить и аргументировать свою датировку. Но мы полагаем, что попросту Г. Ф. Дебец, сдавая свою статью в печать, не сопоставил принятую в ней хронологию и терминологию с хронологией и терминологией, принятой в статье С. Н. Замятина.

Выводы С. Н. Замятина не учтены в статье Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова «Проблемы заселения Европы по антропологическим данным» (стр. 418). В этой последней работе употребляется и термин «китайский питекантроп», не применяемый авторами других статей сборника.

В сборнике имеется ряд примеров подобной несогласованности между авторами отдельных статей, несогласованности, которую легко было бы устранить при подготовке книги к печати. Это, разумеется, несколько затрудняет пользование сборником, особенно для читателей, не имеющих специальной подготовки.

В статье Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова, посвященной заселению Европы и очень широкой по охвату материала (от неандертальцев до XIV в.), необходимо отметить также ряд спорных и нечетких формулировок. Неясно, что подразумевают авторы под индоевропеизацией автохтонного населения (стр. 432). Сомнительны и нечетки формулировки авторов о связи аланов со скифами (стр. 449). Спорен и сомнителен ряд формулировок авторов, относящихся к происхождению болгар и хазар (стр. 453—455).

В сборнике «Происхождение человека и древнее расселение человечества», краткий обзор которого мы заканчиваем, немало положений дискуссионных и только выдвинутых, но еще не до конца разработанных их авторами. В особенности много авторам сборника, как и всем советским исследователям, предстоит поработать над реализацией в области изучения истории древнейшего человечества указаний И. В. Сталина, данных в гениальном произведении «Марксизм и вопросы языкознания». Статьи, входящие в сборник, — только начало такой реализации.

Но наличие положений, вызывающих споры и будоражащих научную мысль, так же как и наличие статей, выдвигающих большие исторические и теоретические проблемы, только повышает научную ценность рецензируемой книги. В ней обобщен, подытожен, критически проанализирован с марксистско-ленинских позиций огромный антропологический, а также археологический материал, разоблачены антинаучные построения англо-американских расистов в области антропологии и археологии. Книга подводит итоги достижениям советской науки о древнейшем прошлом человечества и в то же время значительно продвигает эту науку вперед.

Несомненно, что книга в качестве сборника ценных и интересных научных исследований, а также в качестве фундаментального справочника принесет большую пользу широким кругам советских читателей.

П. И. Борисковский

НАРОДЫ СССР

ИСТОРИЯ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

Первый том «Истории Бурят-Монгольской АССР»¹ представляет важное событие не только в культурной жизни Бурят-Монголии, но и для советской исторической науки в целом. Как известно, история СССР не может быть изучена и разработана без истории отдельных наций, национальных групп и народностей, без истории от-

¹ Издан в 1951 г. Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом культуры под редакцией А. П. Окладникова.